

**«КИРГИЗСКИЕ СТЕПИ» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОСТОЕВСКОГО:
ОТ «ЗОНЫ НЕОСВОЕННОЙ ДИКОСТИ» К НОВОМУ ХАРТЛЕНДУ**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-90020/19*

Статья посвящена вопросу о месте так называемых «киргизских степей» в системе геополитических воззрений Ф.М. Достоевского. Исследование обращается к биографическим, историко-культурным и историко-литературным источникам знания писателя о регионе. В творчестве писателя можно выделить несколько периодов осмысления геополитического положения киргизских степей. Вначале Достоевский рассматривал этот регион как периферию Российской империи, «зону неосвоенной дикости», ведущей характеристикой которого был его пограничный статус. По мере того, как в творчестве писателя развивалась концепция единого православно-славянского мира, усиливалась и углублялась мысль о необходимости переориентации вектора развития России от Европы вглубь, в так называемую «зону суши», Достоевский приходит к мысли об особой ценности для Российской империи внутренних земель в целом и, в частности, киргизских степей. С точки зрения классической геостратегии, подобная переориентация соответствует переходу к сухопутному периоду расстановки геополитических сил в мире. В таком контексте можно говорить о том, что в геополитической картине мира Достоевского «киргизские степи» становятся территорией потенциального нового хартленда.

Ключевые слова: Достоевский, Российская империя, киргизские степи, «окраины», картина мира, геополитика, хартленд

Информация об авторе: Михновец Мария Владимировна, <https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>, научный сотрудник Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Дата поступления статьи: 06.08.2020

Для цитирования: Михновец М.В. «Киргизские степи» в геополитической картине мира Достоевского: от «зоны неосвоенной дикости» к новому хартленду // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 120-127. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-120-127>

Mariya V. Mikhnovets
Dostoevsky Literary Memorial Museum

**THE GEOPOLITICS OF THE «KIRGHIZ STEPPE» IN THE WORKS OF FYODOR DOSTOEVSKY:
FROM THE «ZONE OF UNDEVELOPED WILDERNESS» TO THE NEW HEARTLAND**

*The research was made with the financial support of the RFBR
as a part of the project No. 18-012-90020/19*

The article aims to explore the geopolitics of the Kirghiz steppe in Fyodor Dostoevsky's sociopolitical works and novels. The paper is based on a collection of biographical, historical-cultural and historical-literary sources. When considering the representation of the geopolitical position of the Kirghiz steppe, several periods in the work of Dostoevsky have been distinguished. Initially, Dostoevsky considered the region to be a periphery of the Russian Empire, a so-called «zone of undeveloped wilderness» with «being on the frontier» as its defining characteristic. As the concept of a unified Orthodox-Slavic world developed in the writer's work, Dostoevsky's idea of reorienting Russia's development from Europe towards a so-called «land zone» became more prominent. The shift corresponds to Sir Halford John Mackinder's notion of land power in classical geopolitics. As a result, Dostoevsky recognises the significance of the Kirghiz steppe and its potential to become the new Heartland.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Russian Empire, Kirghiz Steppes, periphery, world-view, geopolitics, Heartland.

Information about the author: Mariya V. Mikhnovets, <https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>, Dostoevsky Literary Memorial Museum, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Article received: August 06, 2020.

For citation: Mikhnovets M.V. The geopolitics of the «Kirghiz steppe» in the works of Fyodor Dostoevsky: from the «zone of undeveloped wilderness» to the new Heartland. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 120-127 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-120-127>

Художественное и публицистическое творчество Ф.М. Достоевского характеризуется особым вниманием к национальным, этнокультурным, конфессиональным вопросам, что дает богатый материал для описания геополитической картины мира писателя. Несмотря на европоцентричность его сознания, вопрос о месте в его мировоззренческой системе Средней Азии и так называемых «киргизских степей» представляется важным. В первую очередь это обусловлено тем, что система геополитических представлений Достоевского не ограничивается рамками империалистических установок и не может быть описана исходя исключительно из методологии современных постколониальных исследований. Отношение писателя к киргизским степям не сводится к оппозиции «центр» – «периферия». Задачи настоящей статьи – исследовать академические, биографические, литературные, публицистические, идейно-философские источники, под влиянием которых сложилось представление Достоевского о киргизских степях, и определить, какое место занимают «киргизские степи» в геополитической картине мира Достоевского.

Существует обширный круг исследований, посвященных изучению художественного образа степи в творческом наследии Достоевского, которые строятся на материале «Записок из Мёртвого дома» и «Преступления и наказания» [Акелькина; Борисова]. Степь традиционно рассматривается как обобщенно-символическое пространство, связанное с мотивами простора и свободы и контрастное острожному пространству несвободы. Литературоведами определено место творчества Достоевского в контексте так называемого «сибирского текста» русской литературы [Габдуллина]. Большое внимание ученые уделяют биографическому аспекту формирования образа киргизской степи: как непосредственному ссыльному опыту писателя, так и личным отношениям Достоевского с этнографом казахского происхождения Ч. Валихановым [Ауэзов; Ашимбаева; Уразаева]. В ряде работ поставлена задача осмысления художественного образа киргизских степей в контексте историософских воззрений писателя, в частности, так называемого «предъевразийства» [Сеитов]. Что же касается изучения киргизских степей не как художественного образа, а как конкретной территории в системе геополитических представлений писателя, то нам известна только одна работа, косвенно касающаяся этого вопроса [Цымбурский]. Это, безусловно, свидетельствует о целесообразности появления настоящего исследования.

С XVIII века в русских источниках, а затем и в европейской литературе «киргиз-казаками» и «киргиз-кайсаками» называли тех, кого сегодня называют «казаками». Ещё российский этнограф и географ Е.К. Мейендорф в книге «Путешествие

из Оренбурга в Бухару», написанной по итогам экспедиции по Средней Азии в 1820 г., писал: «Я закончу отступление о киргизах одним замечанием; они не называют себя киргизами, а именуют казаками, что означает „всадник“ – по мнению одних, „воин“ – по мнению других. Они утверждают, что киргизами их называют башкиры, но им неизвестно, откуда взялось это слово» [Мейендорф].

В 1925 г. в официальной науке СССР было восстановлено самоназвание народа «казак», а в 1936 г. введено в обращение широко распространенное ныне слово «казах». Из этого исторического контекста понятно, что Достоевский, говоря о киргизских степях, не имел в виду территории современной Киргизии, но земли, соотносимые с современным Казахстаном.

Теперь укажем на источники представлений Достоевского о киргизских степях. Первые систематические знания по географии Достоевский начал получать с осени 1833 г. благодаря домашнему учителю, диакону И.В. Хинковскому из Екатерининского института. Согласно труду В.А. Вагнера «Московское училище ордена святой Екатерины» [Московское училище: 281], в качестве учебников преподавателям института рекомендовалось «Краткое всеобщее землеописание по новому разделению...» Т.Т. Каменецкого. Издание представляет собой учебник по всемирной географии России. В сентябре 1837 г. шестнадцатилетний Достоевский успешно сдал вступительные экзамены, в том числе по географии, в петербургское Инженерное училище. Это дает основание утверждать, что будущий писатель хорошо знал содержание учебника.

В издании Каменецкого «Киргизские степи»¹ упоминаются в первом же абзаце, посвященном географии России: в разделе «Положение, границы и величина» указывается, что Россия к югу граничит «с Китайскими владениями, т. е. Даурием, Манжурием, Монголием и Зюнгорием, с Киргизскою степью, Каспийским морем, Персиею...» [Краткое всеобщее землеописание: 37]. Киргизская степь, таким образом, не входит в состав Российской империи, является по отношению к ней приграничной территорией. Однако сразу же после приведенной выше информации следует сноска о доле земель, приходящихся на европейскую и азиатскую часть России, где автор учебника указывает, что «Киргизская степь составляет 31,681 кв. м» [Краткое всеобщее землеописание: 51] от азиатской части государства. Возникает вопрос о том, куда всё-таки относятся эти земли: к России или же к чужим территориям. Например, в дальнейшем при описании Туркестана Каменецкий указывает, что ему принадлежат «Киргизская или Киргиз-Кайсацкая степь», земли которой «разделяются на три Орды», однако земли «Средней и Малой (запад-

ной) с 1761 г. подвластны России» [Краткое всеобщее землеписание: 257]. Подчеркнем, что в связи с «Киргизскими степями» автором неоднократно вводится понятие границы. Знакомство с материалом, согласно которому, с одной стороны, «Киргизские степи» в целом не входят в состав Российской империи, однако, с другой стороны, две составные части этих степей подчиняются России, позволяя нам установить неоднозначность исходной позиции автора учебника. Заранее скажем, что в творчестве Достоевского найдет свое выражение как то, так и другое понимание киргизских степей.

Характеристика края как пограничного, одновременно и «своего» и «чужого», оказывается устойчивой на протяжении всего творческого пути Достоевского. Так, например, описывая в «Записках из Мёртвого дома» скитальцев-бегунов, романист последовательно перечисляет пограничные территории Российской империи, и в ряду топонимов предсказуемо появляется киргизская степь: «Бывал он и на южной русской границе за Дунаем, и в киргизской степи, и в Восточной Сибири, и на Кавказе – везде побывал» [Достоевский 4: 174].

Далее текст учебника фиксирует положение степи не только как пограничной территории государства. В параграфе, связанном с описанием рек, указывается, что «Иртыш отделяет Томскую и Тобольскую губернии от Киргизской степи» [Краткое всеобщее землеписание: 43]. Омская область разделена «на четыре округа по четырем крепостям» и «внешнюю часть, степи Киргизской, к Сибирским линиям прилежащей» [Краткое всеобщее землеписание: 98]. Таким образом у читателя учебника, в том числе и юного Достоевского, формируется представление о киргизской степи как о территории с неустойчивым статусом. В связи с этим вспомним, что в эпилоге романа «Преступление и наказание» топоним широкой степи связывается с Раскольниковым, стоящим на пути «постепенного перерождения», «постепенного перехода из одного мира в другой» [Достоевский 6: 422].

Любопытно, что в учебнике киргизские степи не причисляются к Сибири, Каменецкий уделяет этому особое внимание: «Азиатскую Россию не должно смешивать с Сибирью. К первой относятся все земли, принадлежащие России в Азии, как то: собственно называемые четыре Сибирские губернии [Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская] со своими областями и Приморскими управлениями, Киргизская степь» и т. д., вплоть до территорий Кавказа и «Астраханских земель» [Краткое всеобщее землеписание: 51]. Сибирью же автор называет «часть Азии, простирающуюся от Уральского хребта до Восточного океана с островами оною» [Краткое всеобщее землеписание: 51]. С подобным разделением встречаемся позднее и в произведениях самого Достоевского. Например, в Записной книжке к «Дневнику писателя» за 1875–1876 гг. читаем: «Сибирь не Средняя Азия» [Достоевский 24: 83]. Или же в вариантах к главе «Вопросы и ответы» к Дневнику писателя за январь 1881 г.: «...только один клочок нашей русской Азии, только одну киргизскую землю с ее горами, озерами» [Достоевский, 27: 250]. Таким образом, видно, что представления о географии Российской империи, которые юный Достоевский почерпнул из учебника Каменецкого, во многом оказались определяющими для мировоззрения писателя в дальнейшем.

Докаторский период жизни и творчества Достоевского приходится на время интенсивного освоения Российской империей Средней Азии. Именно в 1840-х гг. начинается активная стадия присоединения Большой киргизской Орды (так называемого «Большого хуза»). Более того, вопрос об отношениях Российской империи и земель современного Казахстана неоднократно поднимался в кружке М.В. Петрашевского, который Достоевский начал посещать с 1848 г. Последнее обстоятельство освещено М.И. Фетисовым в книге «Литературные связи России и Казахстана. 30–50-е годы XIX века», целая глава которой называется «Петрашевцы и Казахстан» [Фетисов]. Автор попытался показать причины особого интереса Петрашевского и его политических соратников к Востоку вообще и к российским инородцам в частности. Исследователь объясняет особое внимание участников кружка к среднеазиатскому вопросу главным образом их востоковедческой подготовкой и общественной деятельностью, а также модой на изучение Востока, имевшей место в российском обществе того времени. Автор фиксирует особую, характерную для петрашевцев манеру осмысливать отношения России со своими инородцами: представлять скорейшее приобщение к русским и русской культуре в качестве единственного для них спасения. Этих же позиций, но уже в отношении конкретно казахов, как утверждает Фетисов, придерживался и поэт А.Н. Плещеев, деятельности которого на территориях современного Казахстана исследователь посвящает отдельную главу. К сожалению, письменных свидетельств, которые могли бы пролить свет на то, в какой степени принимал участие в этих обсуждениях Достоевский и какова была его позиция, нет.

При этом в художественной литературе 1840-х гг. не был сформирован круг произведений, который можно было бы определить как «киргизский текст» русской литературы, подобно тому как это уже было, например, с петербургским текстом, кавказским и усадебным. Тем не менее в круг чтения современников Достоевского входили произведения, в которых авторы обращаются к казахской теме. Например, ещё в 1828 г. вышла «повесть в стихах» Н.Н. Муравьева «Киргизский пленник». Другую повесть, «Киргиз-кайсака» В.А. Ушакова,

упоминает в одной из глав своих «Литературных мечтаний» В.Г. Белинский, к работам которого внимательно относился Достоевский: «Киргиз-Кайсак г. Ушакова был явлением удивительным и неожиданным: он отличается глубоким чувством и другими достоинствами истинно художественного произведения» [Белинский]. Знаком был писателю и роман Ф.В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин», главный герой которого оказывается в киргизской степи, Достоевский упоминает Выжигина в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» [Достоевский 19: 69]. В.И. Даль во время своего пребывания в Оренбурге с 1834 по 1839 г. публикует в «Библиотеке для чтения» сказки, отсылающие к окружающим его реалиям, а позднее печатает в «Отечественных записках» повести, в которых обращается к описанию быта и нравов уральских казаков, башкир и киргиз-кайсаков [Матвиевская, Прокофьева, Зубова]. На протяжении 1848 г. в том же журнале «Отечественные записки» выходит серия очерков «Четыре месяца в Киргизской степи», написанных бароном П.К. Усларом – отечественным военным инженером, лингвистом и этнографом. Скорее всего, Достоевский, сотрудничавший в этот же период с А.Н. Краевским, издателем «Отечественных записок», был знаком с названными выше произведениями, однако зафиксированных свидетельств об этом нет. Тем не менее допустимо предположить, что перечисленные художественные произведения, а также обсуждения в кружке Петрашевского, наложившиеся на знания Достоевского о киргизских степях, сформировали фундамент его представлений о регионе, куда ему помимо собственной воли предстояло отправиться в ссылку солдатом.

Непосредственной ссылкой Достоевского в Семипалатинск предшествовала его встреча в Омске в январе – феврале 1854 г. с Чоканом Валихановым, молодым путешественником, историком, этнографом казахского происхождения. Достоевский, судя по имеющимся мемуарным и эпистолярным свидетельствам, не проявил активного интереса к культуре, носителем которой был новый знакомый, несмотря на сложившиеся душевные отношения с ним. С одной стороны, это предсказуемо и объяснимо: встреча произошла в первые месяцы, последовавшие после четырех каторжных лет, и петербургские дебаты, в том числе обсуждение положения киргизских степей, вряд ли имели для Достоевского прежнюю остроту. С другой стороны, остается открытым вопрос о том, действительно ли в свете возможной ссылки именно в этот край он не обсуждал положение Средней Азии с человеком, являвшимся непосредственным представителем народа, населявшего степь.

Первое упоминание киргизских степей находим в письме брату Михаилу от 30 января – 22 февраля 1854 г., когда по окончании каторги Достоевский

узнает о назначении на службу солдатом в Семипалатинск. Он пишет: «Я командирован в Семипалатинск, почти в киргизскую степь». И далее: «Не знаю, что ждет меня в Семипалатинске. Я довольно равнодушен к этой судьбе. Но вот к чему не равнодушен: хлопочи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мне через год, через 2 на Кавказ, – все-таки Россия! Это мое пламенное желание, проси ради Христа!» [Достоевский, 28–1: 172]. Завершается письмо настойчивым повтором просьбы: «Я постараюсь тебе найти другой адрес из Семипалатинска, куда я отправлюсь через неделю. Я еще немного нездоров и потому на некоторое время задержан... <...> Но, ради бога, старайся и проси об моем переводе на Кавказ, да наведайся у людей знающих, можно ли мне будет печатать и как об этом просить» [Достоевский, 28-1: 173]. Из текста письма видно, что в картине мира писателя киргизские степи не являются собственно «Россией». По сравнению с ними даже Кавказ – зона геополитического напряжения на протяжении всего XIX века – является «своим», Россией, несмотря на продолжающуюся Кавказскую войну и то, что до пленения имама Шамиля остаётся ещё пять лет. До личного знакомства с киргизскими степями Достоевский наделяет этот регион ведущей характеристикой: вынесенностью за пределы России, принципиальной чужеродностью.

Через месяц в письме брату от 27 марта 1854 г. Достоевский описывает «киргизские степи» следующим образом: «Здесь уже начало киргизской степи. Город довольно большой и людный. Азиатов множество. Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни деревца – чистая степь. В нескольких верстах от города бор, на многие десятки, а может быть, и сотни верст. Здесь всё ель, сосна да ветла, других деревьев нету. Дичи тьма. Порядочно торгуют, но европейские предметы так дороги, что приступу нет. Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того» [Достоевский, 28-1: 178–179]. Климат Семипалатинска и киргизских степей Достоевский сравнивает с климатом Тобольска и Омска. С одной стороны, это объясняется тем, что три города: Тобольск, Омск, Семипалатинск – являют собой единство для ссыльного писателя, уже проследовавшего по этому маршруту. Но, с другой стороны, получается, что Достоевский, ставя в один ряд три эти города, символически сближает Семипалатинск с Сибирью.

Несмотря на обещание брату «когда-нибудь написать о Семипалатинске подробнее», к обстоятельному рассказу о городе Достоевский так и не обратился. Киргизские степи как особый, свойственный для Средней Азии ландшафт не изображаются подробно ни в переписке, ни в публицистических произведениях писателя. Исключение

составляют два художественных произведения писателя – «Записки из Мёртвого дома» и «Преступление и наказание», но о них речь пойдет отдельно далее.

Любопытно, что именно в семипалатинский период жизни в ближайшее окружение Достоевского входят выдающиеся этнографы и географы: Ч. Валиханов и П.П. Семенов Тянь-Шанский, – однако общение с ними не пробуждает в писателе интереса этнокультуролога, натуралиста или биолога. В письме Ч. Валиханову от 14 декабря 1856 г. Достоевский советует молодому этнографу: «По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатает (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих “Записок” о степном быте, Вашем возрасте там и т. д.» [Достоевский, 28-1: 249]. Заметим: Достоевского больше занимает судьба товарища, нежели непосредственно исследование степи. Далее он пишет: «Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм<ер>: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских» [Достоевский, 28-1: 249]. Далее, несмотря на сердечный тон письма в целом, Достоевский высказывает суждение, характерное для империалистического, колониального, европоцентричного сознания: «Вспомните, что Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать Вам первый шаг» [Достоевский, 28-1: 249]. Направление мысли писателя соответствует характеру обсуждения киргизского вопроса в кружке Петрашевского: чаемое писателем развитие жизненного пути Валиханова может быть сопоставлено едва ли не с путем аборигена, который должен отойти от своей первоначальной дикости и благодаря европейскому образованию, а также приобщению к европейским ценностям перейти на новый уровень развития.

Несмотря на несколько лет, проведенных в степи, на непосредственное общение с её жителями Достоевский не пришёл к мысли о необходимости пристального изучения и углубленного понимания этнокультурной специфики киргизских степей, собственного символического капитала в мировоззрении писателя регион не приобрел. Это может быть объяснено сосредоточенностью Достоевско-

го на событиях собственной жизни, стремлении изменить положение ссыльного, а также интенсивным духовным поиском, связанным с каторжным опытом. Другое объяснение может быть дано с опорой на текст черновиков к главе «Застарелые люди» в «Дневнике писателя» за сентябрь 1876 г., где Достоевский пишет: «Русский более любил и сближался с татаринном, чем татарин или киргиз с русским. Я там жил, я видел это. Никогда русский не враг киргиза, а киргиз русского» [Достоевский, 23: 296]. Вероятно, несмотря на преимущественно мирное сосуществование в Семипалатинске и его окрестностях русского населения с представителями местных этносов, стремления к сближению с представителями метрополии у последних не было. При этом именно в 1850-е гг. территория киргизских степей стала одним из фронтиров Российской империи с наибольшей степенью экспансии. Так, например, в 1854 г. была основана крепость Верный (современный г. Алма-Ата; Алматы), которая замышлялась как стратегический центр окружающих земель и практически сразу стала точкой притяжения как военных сил, так и гражданских специалистов и путешественников России.

Понятие «фронтира» было введено в научный оборот американским исследователем Ф. Тернером, который трактовал его как границу между освоенными и неосвоенными землями, как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды» [Turner: 23–27]. Изначально понятие применялось только к реалиям Северной Америки, Дикого Запада, но постепенно сфера его употребления стала расширяться. Представляется, что в значительной степени понятие «фронтир» соответствует особенностям понимания Достоевским киргизских степей. Любопытны в связи с этим размышления писателя, зафиксированные в главе «Вопросы и ответы» в «Дневнике писателя» за январь 1881 г. Достоевский размышляет об убыточности или прибыльности строительства дорог в киргизских степях и проводит параллель между этим регионом Российской империи и дикими землями Северной Америки: «Затем, вы толкуете про убыток. О, если б вместо нас жили в России англичане или американцы: показали бы они вам убыток! Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки? Да ведь мы-то всего только один клочок нашей русской Азии, только одну киргизскую землю с её горами, озерами, с её почвой, дающей местами сам-пятьдесят, и на которой лишь пасутся теперь бараны и которая могла бы, однако, прокормить всю Европу, – да что, что бы они из неё одной сделали. И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель?» [Достоевский 27: 37]. Отметим, что спустя двадцать лет после ссылки Достоевский уже

безусловно относит киргизские степи к «своим» территориям Российской империи. Более того, он говорит о киргизских степях как о богатстве своей страны, несмотря на то что это достояние находится на отдаленных рубежах государства.

В этот же период в Записной тетради за 1880–1881 гг. с подготовительными вариантами к «Дневнику писателя» Достоевский неоднократно называет киргизские степи «окраинами» [Достоевский 27: 73], а «окраиной», как известно, территория может быть считаться только по факту её включения в состав государства. При этом окраины восточной части России, о которых говорит Достоевский, вовсе не являются чем-то второстепенным, мало-значимым в системе его геополитических представлений. С открытым негодованием писатель пародирует высказывания либералов-западников о том, что России должно ориентироваться на Европу и «забыть об окраинах»: «Окраины всё это вздор, всё это мелочи и с другого боку, всё мелочи, Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам. Среднеазиатские владения подарим Англии. А там какую-нибудь киргизскую землю это просто забудем. Россия-де в Европе, и мы европейцы и преследуем цели веселости. А более никогда и ничего, вот и всё» [Достоевский 27: 73].

Таким образом, можно говорить о том, что в конце творческого пути для Достоевского возросла ценность киргизских степей. Если обращаться к геополитической терминологии, то уместно утверждать, что писателю близко понимание киргизской степи как нового хартленда Российской империи. Понятие «хартленд» было введено английским географом и геополитиком первой половины XX века Х. Маккиндером для обозначения внутренней части евразийского материка. Маккиндер придавал особую ценность этим территориям из-за их природных богатств, а также из-за изолированности со стороны моря и, следовательно, неуязвимости от нападения морских держав.

Говоря о киргизских степях как о хартленде в картине мира Достоевского второй половины 1870-х – начале 1880-х гг., стоит иметь в виду не только особую ценность земель с точки зрения их геополитического положения. Необходимо учитывать тот символический капитал, которым наделяет их писатель. Так, приведенная выше цитата из записной тетради 1880–1881 гг. содержит в себе итог многолетних раздумий автора, проекции которых можно увидеть в его художественном творчестве 1860-х гг.

Киргизские степи, как мы уже отметили, описываются Достоевским в «Записках из Мёртвого дома», а также в эпилоге романа «Преступление и наказание». Вопрос об образе степи в творчестве писателя уже поднимался, повторим, в литературоведении, но в рамках настоящего исследования нас

интересует не образ вольной степи как таковой, а вопрос о том, что содержание этого образа дает для понимания места киргизских степей в геополитической картине мира Достоевского. Известный исследователь Б.Н. Тихомиров в примечаниях к эпилогу «Преступления и наказания» подчеркивает: «В этом смысле греза Раскольникова на берегу Иртыша и его каторжные сны сопоставлены и контрастно противопоставлены как отправная точка и трагический исход исторического пути человечества... Восприятие панорамы сибирской степи... дополняет и завершает в сознании Раскольникова то самоопровержение прежней философско-исторической концепции героя, которое символически обнаружилось в его бредовых видениях мира». Герой осознает, что «вектор движения этих сил в истории – нарастающий духовный распад и всеобщая катастрофа» [Тихомиров: 439].

Получается, что в эпилоге романа киргизские степи Достоевский наделяет символическим капиталом. В этом внутреннем регионе Российской империи он увидел потенциал для переориентации вектора развития страны от Европы в противоположную сторону, вглубь, в так называемую «зону суши». Безусловно, причина этого кроется в системе философских воззрений писателя и нарастающем неприятии им современного европейского пути развития цивилизации. При этом, с точки зрения теорий классической геостратегии, можно сказать, что Достоевский, рассматривая в таком ключе киргизские степи, фиксирует важнейший переход от одного периода расстановки геополитических сил в мире – морского, к другому – сухопутному. Не случайно в одном из приведенных ранее фрагментов Достоевский подчеркивает роль развития железных дорог в Средней Азии: именно это позволит активно развивать новые, внутренние центры Российской империи.

Более того, в системе идеофилософских воззрений Достоевского, где с современным путем развития общества связывается закат европейской цивилизации, показателен эпизод в романе «Игрок»:

«– Помилуйте, – отвечал я ему, – ведь, право, неизвестно еще, что гаже: русское ли безобразие или немецкий способ накопления честным трудом?»

– Какая безобразная мысль! – воскликнул генерал.

– Какая русская мысль! – воскликнул француз; я смеялся, мне ужасно хотелось их раззадорить.

– А я лучше захочу всю жизнь прокочевать в киргизской палатке, – вскричал я, – чем поклоняться немецкому идолу.

– Какому идолу? – вскричал генерал, уже начиная серьезно сердиться.

– Немецкому способу накопления богатств» [Достоевский 5: 225].

Отклик генерала показателен: в его представлениях эта мысль без – образная, то есть безбож-

ная, дохристианская. Парадокс заключается в том, что немецкий способ накопления представлен языческим, а упоминание о киргизской кибитке вписывается в христианский контекст диалога. «Киргизская палатка» при всей её неустроенности оказывается для героя более привлекательной, чем тот самый «Ваал» – демон рациональности, индивидуализма и примата личного обогащения, о котором ранее Достоевский пишет в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

Подводя итоги, скажем: Достоевский полагал, что современному цивилизованному миру, геополитический вес которого сосредоточен в Европе, грозит катастрофа. Возможность её избежать для России писатель видит в смене вектора развития государства от Европы в сторону своей внутренней суши. При этом в качестве нового хартленда Достоевским рассматриваются не только славяно-православные территории Российской империи, но и киргизские степи.

Примечание

¹ В настоящем абзаце вслед за автором учебника мы будем употреблять при написании топонима заглавную букву.

Список литературы

Акелькина Е.А. Ф.М. Достоевский: Дорога в Сибирь (календарность, приметы, тексты – вехи традиционной культуры) // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 11–14.

Ауэзов М.О. Ф.М. Достоевский и Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1961.

Ашимбаева Н.Т. История одной дружбы. Федор Достоевский и Чокан Валиханов // Консул. 2008. № 4 (15). С. 15–19.

Белинский В.Г. Литературные мечтания (элегия в прозе) // В.Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988. Гл. 10. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0310.shtml (дата обращения: 6.08.2020).

Борисова В.В. «Гиблое место» или «золотой век» (Казакская степь в изображении Ф.М. Достоевского) // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений. Семипалатинск, 1989. С. 40–45.

Габдуллина В.И. «Сибирский текст» Достоевского: образ провинции // Культура и текст. 2016. № 3. С. 93–106.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Краткое всеобщее землеописание по новому разделению, изданное по руководству г-на статского советника и кавалера И.А. Гейма, в пользу детей, начинающих учиться географии, Т. Каменецким. М., 1828. 382 с.

Матвиевская Г.П., Прокофьева А.Г., Зубова И.К. Жизнь и творчество В.И. Даля в Оренбурге. М., 2011.

Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. URL: http://az.lib.ru/m/mejendorf_e_k/text_0010.shtml (дата обращения: 6.08.2020).

Московское училище ордена св. Екатерины, 1803–1903 гг.: исторический очерк / сост. по поручению Совета Училища Комис. Преподавателей; под общ. ред. В.А. Вагнера. М., 1903. 560 с.

Сеитов М.М. «Предъевразийство» Ф.М. Достоевского: истоки и художественное воплощение: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2010. 178 с.

Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

Уразаева К. Федор Достоевский и Чокан Валиханов: научный комментарий как источник евразийства // Via Eurasia. 2012. № 1. С. 228–240.

Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана. 30–50-е годы XIX века. М., 1956. 383 с.

Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика еждународных систем XVIII–XX вв. // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 92–98.

Turner F.G. The Frontier in American History. New York, 1920.

References

Akel'kina E.A. *F.M. Dostoevskij: Doroga v Sibir' (kalendarnost', primety, teksty – vехi tradicionnoj kul'tury)* [F.M. Dostoevsky: the Road to Siberia (CalendarMonth, signs, texts, and milestones of the traditional culture)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [The Newsteller of Omsk University], 2011, № 1, pp. 11–14. (In Russ.)

Ashimbaeva N.T. *Istorija odnoj družby. Fedor Dostoevskij i Chokan Valihanov* [The Story of a friendship. Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov]. *Konsul* [Consul], 2008, № 4 (15), pp. 15–19. (In Russ.)

Aujezov M.O. *F.M. Dostoevskij i Chokan Valihanov* [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov]. Alma-Ata, 1961. (In Russ.)

Belinskij V.G. *Literaturnye mechtanija (jelegija v proze). Gl. 10* [Literary dreams (Elegy in prose). Chapter 10]. V.G. Belinskij. *Vzglyad na russkiju literaturu* [View on Russian literature]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0310.shtml (access date: 06.08.2020). (In Russ.)

Borisova V.V. “*Gibloe mesto*” ili “*zolotoj vek*” (*Kazahskaja step' v izobrazhenii F.M. Dostoevskogo*) [“The Lost place” or «the Golden age» (the Kazakh steppe in the image of F. M. Dostoevsky)]. *Dostoevskij i sovremennost' (Materialy Dostoevskih chtenij)* [Dostoevsky and modernity (Materials of Dostoevsky readings)]. Semipalatinsk, 1989, pp. 40–45. (In Russ.)

Cymburskij V.L. *Morfologija rossijskoj geopolitiki i dinamika ezhdunarodnyh sistem XVIII–XX vv. Tetradi po konservatizmu*, 2015, № 1, pp. 92–98. (In Russ.)

Dostoevskij F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.

Fetisov M.I. *Literaturnye svyazi Rossii i Kazahstana. 30-50-e gody XIX veka* [Literary relations of Russia and Kazakhstan. 30-50th of the 19th century]. Moscow, 1956, 383 p. (In Russ.)

Gabdullina V.I. “Sibirskij tekst” Dostoevskogo: obraz provincii [«Siberian text» of Dostoevsky: the image of the province]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2016, № 3, pp. 93–106. (In Russ.)

Kratkoe vseobshhee zemleopisanie po novomu razdeleniju, izdannoe po rukovodstvu g-na statskogo sovetnika i kavallera I.A. Gejma, v pol'zu detej, nachinajushchih uchit'sja geografii, T. Kameneckim. M., 1828, 382 p. (In Russ.)

Matvievskaja G.P., Prokof'eva A.G., Zubova I.K. *Zhizn' i tvorcestvo V.I. Dalja v Orenburge* [The Life and work of V.I. Dal in Orenburg]. Moscow, 2011. (In Russ.)

Mejendorf E.K. *Puteshestvie iz Orenburga v Buharu* [Journey from Orenburg to Bukhara]. M., Nauka Publ., 1975. URL: http://az.lib.ru/m/mejendorf_e_k/text_0010.shtml (access date: 06.08.2020). (In Russ.)

Moskovskoe uchilishhe ordena sv. Ekateriny, 1803-1903 gg.: istoricheskij ocherk, sost. po porucheniju Soveta Uchilishha Komis. преподаvatelej pod obshh. red. V.A. Vagnera [Moscow school of the order of St. Catherine, 1803-1903: historical essay / comp. on behalf of the Council of the School of Comis. teachers under the General]. Moscow, 1903, 560 p. (In Russ.)

Seitov M.M. “Predevrazijstvo” F.M. Dostoevskogo: istoki i hudozhestvennoe voploshhenie: dis. ... kand. filolog. nauk [«pre-Eurasianism» by F.M. Dostoevsky: origins and artistic embodiment: PhD thesis]. Magnitogorsk, 2010, 178 s. (In Russ.)

Tihomirov B.N. “Lazar'! grjadi von”. *Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-komentarij* [“Lazarus! come out”. F.M. Dostoevsky's novel “Crime and punishment” in modern reading: Book-comment]. SPb., Serebrjanyj vek Publ., 2005, 472 p. (In Russ.)

Urazaeva K. *Fedor Dostoevskij i Chokan Valihanov: nauchnyj kommentarij kak istochnik evrazijstva* [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov: scientific commentary as a source of Eurasianism]. *Via Evrasia*, 2012, № 1, pp. 228–240. (In Russ.)